

2007 – *Год Китая в России*

На радость людям и духам
Водка из глиняного погреба
Цзяннань - край Южноречья

В августе 2006 г. в городе Чанчжи провинции Шаньси проводилась международная научная конференция «Церемония приветствия божеств *сай шэ* и культура народных музыкантов *юэ ху*». Автору довелось присутствовать на завораживающем по своей яркости и самобытности инсценированном действе, почти полностью воссоздающем многовековую традицию праздников *шэ хо*, ранее распространённых по всему Китаю.

В северных провинциях Китая эту церемонию называют *шэ хо* («игрища общин»), или *сай шэ* («состязания общин»). В районе Шандан на юго-востоке провинции Шаньси она традиционно состояла из трёх частей: *тоу сай* – зачин подношений, *чжэн сай* – основной ритуал и *мо сай* – окончание ритуала. В первый «зачинный» день к божествам обращались с приглашением почтить визитом местный храм. После подношения даров духов провожали назад, в небесную обитель.

Народный ритуал имеет строгую и чёткую систему, связанную с традиционной космологией, нумерологией и музыкой. Специально приглашённые музыканты *юэ ху* своим мастерством должны установить связь между небом и землёй, прославить божеств и донести до них просьбу об обильном урожае, дожде и благополучии. Эти ритуальные мелодии выполняли ключевую роль для общения людей с сонмом духов. Сохранение и воспроизведение «правильных» ладотональностей ритуальной музыки считалось залогом спокойствия и процветания в Поднебесной. Это подчёркивал ещё Конфуций. При дворе важнейшие ритуалы Небу, Земле и светилам непременно сопровождались музыкой.

Екатерина Александровна
Завидовская – кандидат
филологических наук,
научный сотрудник
Института Дальнего Востока
РАН.

Для понимания религиозной составляющей праздника *шэ хо* необходимо уяснить связи между картой звёздного неба и системой ладотональностей традиционной музыки. Ещё в династию Западная Чжоу (1066–771 до н.э.) была утверждена иерархия тональностей, сделана попытка установить соответствие отдельных музыкальных тонов, музыкальных инструментов, видов и жанров музыки с элементами мироздания. В системе женских и мужских тональностей звуки 12-ступенного звукоряда связывались с периодами суток, положением Солнца и Луны, месяцами и т.п. Звучание инструментов, особенно церемониальных оркестров, поддерживалось в соответствии с выработанной шкалой высот, нарушение которой, по понятиям того времени, могло иметь космологические и социально-политические последствия.

Для дворцовых празднеств в период династии Сун (960–1279) было официально отобрано сорок мелодий-*цуй*, а также три тысячи народных напевов-вариаций. Профессиональным музыкантам – мужчинам необходимо было не только знать эти мелодии, а женщинам все несколько тысяч вариаций, но также уметь исполнять ритуальные танцы. Известно, что при сунском дворе проводились пышные многолюдные процессии ритуального характера с участием музыкантов, танцовщиц, носильщиков предметов для жертвоприношений. Именно во время этих ритуалов исполнялись *дуй си* (досл. «сценки в шеренге») – короткие театрално-танцевальные представления с несложным сюжетом. Музыкаль-

ные номера *дуй си* считают предшественниками китайского театра, который обрёл свою зрелую форму уже при династии Юань (1279–1368).

Традиция проведения подобных ритуальных церемоний с музыкой и танцами нашла распространение и среди простого люда. Празднества *шэ хо* проводились в городах и деревнях, свидетельства о чём мы обнаруживаем в знаменитом сборнике «Записи снов из восточной столицы» сунского писателя Мэн Юаньлао. Ещё одним источником возникновения драмы специалисты считают так называемую китайскую архаичную драму *но*, неразрывно связанную с древнейшими культовыми обрядами по изгнанию злых духов и с практикой шаманизма.

В 1985 г. в семьях потомственных музыкантов *юэ ху* были обнаружены старинные книги: «Карта небесных созвездий и созвучий династии Тан» (оригинал 1522 г.), а также «Передающаяся потомкам книга ритуала» (оригинал 1574 г.). Из этих манускриптов стало известно многое о правилах проведения церемонии, о мелодиях, наиболее распространённых театрализованных представлениях, видах подношений, время, место и форма исполнения которых также были регламентированы до мельчайших деталей.

Из вышеупомянутых старинных книг удалось узнать о системе, связывавшей ладотональности танской и чжоуской музыки с созвездиями и божествами. Годы, месяцы, дни по традиционному лунному календарю формировали двенадцать *шичэней*, т.е. временных отрезков. Им соответствовало

В храме Верховного генерала лазоревой зари.

Паланкин Верховного яшмового императора.

28 созвездий и 28 ладотональностей, а каждому их них, в свою очередь, – то или иное божество. В соответствии с годом, месяцем и днём по традиционному лунному календарю устанавливалась дата ритуала в честь того или иного божества (считалось, что это день его рождения). Порядок и набор подносимых даров для каждого обитателя «небесного дворца» был разным и регламентированным. На зачинную часть приходилось семь подношений, на основную – двенадцать и на заключительную – восемь, отдельно проводился ритуал в честь первоэлемента Ян. Таким образом, в течение трёх дней делалось 28 подношений, что соответствует числу созвездий и ладотональностей.

В дни проведения *шэ хо* улицы деревень, по которым проходила процессия, были наводнены толпами зрителей, шла бойкая торговля, праздник объединял и связывал людей, «увеселял и людей и духов». В больших деревнях, состоявших из нескольких фамильных кланов, церемония превращалась в состязание между общинами в исполнительском мастерстве, что, конечно, цементировало деревню как общность, сохраняло незыблемость традиций, становилось способом демонстрации мощи и богатства того или иного клана.

Каждая крупная деревня района Шандан, где несколько общин собираются для проведения праздника, может похвастаться своими традициями и правилами проведения *шэ хо*, хотя многие сведения, передававшиеся раньше из поколения в поколение, уже утеряны. Местные этнографы

Поднятый шест означает обращение к божествам.

и историки собирают и изучают, пусть не всегда с должной тщательностью, воспоминания старых музыкантов, записи на стелах, надгробных камнях и другие исторические свидетельства. Сама церемония *шэ хо* сегодня внесена в общенациональный реестр памятников нематериальной культуры, подлежащих защите и сохранению.

В деревне Цзяцунь, где проводилась увиденная мной процессия, главным является храм в честь даосского божества *Бися юаньцзюня* – «Верховного генерала лазоревой зари». Ему, а также *Эр сянй найнай* – «Бабушке двух бессмертных» делают ритуальные подношения в день их рождения. Самая пышная церемония проводится в 15-й день первого месяца по лунному календарю. В храм вносят два паланкина с фигурами «приглашённых» божеств – Верховного яшмового императора и Верховного генерала лазоревой зари.

Главный распорядитель, или Господин Инь-Ян управляет всей церемонией. Одетый в традиционный мужской халат, он следует во главе многолюдной процессии, его сопровождают два помощника – размахивающий кадильницей с благовониями и ответственный за вынос ароматных свечей. В начале праздника распорядитель читает торжественное приветствие божествам. По его знаку носители кадильницы и свечей совершают поклоны, участвующие в церемонии девочки-подростки выкладывают дары перед сооружённым по случаю праздника алтарём.

Почётную роль распорядителя обычно выполнял один из образованных членов деревенской общины.

Ещё один участник процессии своим видом не мог не вызвать у меня недоумения. Это был поджарый мужчина преклонных лет, голый торс его прикрывали лоскуты красной ткани, на голове красной перевязью были прикреплены железные пруты, словно пробивающие череп насквозь, щёки, казалось, протыкал металлический стержень. Мне объяснили, что он выступает в роли «Принимающего физические мучения», зовётся также «лошадиным отроком». История этого персонажа неразрывно связана с сохранившейся до наших дней древнейшей практикой телесных истязаний медиума, принимающего муки во имя небесных благ. Этот персонаж распространён во всём Китае, в ходе церемонии воссоединения с духами он терпит настоящие побои; тело его, истязаемое крюками, кровоточит, иногда щёки на самом деле протыкаются. Не случайно на Тайване он так и называется «Отрок, проткнутый прутами».

Другой важный участник ритуального действия – *Цянь син* («Следующий впереди»), или *Чжу ганьцзы* («Бамбуковый шест»). Мужчина с длинной накладной бородой, одетый в наряд воинственного генерала традиционной драмы – халат, расшитый драконами, чиновничью шапку

с крыльшками, пояс-обруч, несёт бамбуковый шест с красной повязкой. Красный – цвет радости и праздника, красная повязка на руке участника ритуала означает его причастность к сакральному акту общения с духами. Каждое подношение даров предваряется музыкой, адресованной божествам, после чего «следующий впереди» поднимает шест в небо, символизируя послание благопожеланий духам. Иногда он читает вступительное приветствие, после чего вместе с распорядителем ритуала исполняет «благую ритуальную песнь». Считается, что бамбук обладает способностью отгонять нечисть и злых духов, он используется также для изготовления музыкальных инструментов. В иерархии восьми ритуальных инструментов бамбук занимает самое высокое положение. Отсюда и столь почётная роль бамбукового шеста в ритуале.

Праздник начинается с церемонии обхода многолюдной процессией кумирен и малых храмов в деревне, в ходе которой таблички с именами божеств выносятся и устанавливаются на спину лошади, украшенной красной попоной. Церемония эта так и называется – *шан ма* («водружение на лошадь»). Затем их снимают с лошади (то есть «принимают духов») и вносят в главный храм. Двенадцать табличек с именами несут престарелые жительницы деревни, за ними следуют два паланкина с фигурами

Фигуры Духов-драконов пяти морей.

Верховного Яшмового императора и Генерала лазоревой зари, а также посаженные на высокие стулья фигуры священных Духов-драконов пяти морей. Их глиняные головы выкрашены в пять цветов. Распорядитель декламирует речь о «снятии с лошади», таблички подносят к месту исполнения ритуала «воссоединения с духами».

Церемония «воссоединения» также предваряется соответствующей речью распорядителя. После этого двое его подчинённых и носильщицы табличек встают на колени и бьют поклоны перед столиком, на котором стоит курильница для ароматных палочек, лежит пучок связанных красной материей металлических пластин. После исполнения туша музыкантами *юэ ху* «лошадиный отрок» начинает наносить себе удары по спине металлическими пластинами, символизируя принятие мучений в обмен на милость божеств. Этот ритуал, уходящий корнями во времена архаического шаманизма, завершается неоднократными поклонами «отроку» по знаку распорядителя.

Музыканты *юэ ху*.

Под звуки хлопушек по главной улице идёт процессия во главе с распорядителем и носителем бамбукового шеста. Одеты в яркие красно-зелёные халаты с вышивкой и шапки с фазаньим пером, следуют музыканты. Они бьют в барабаны, литавры и ручной гонг, играют на дудке *сона*, органчике *шэне*. Мажорная мелодия создаёт атмосферу праздника. Позади следуют шеренги женщин в костюмах из зелёного и жёлтого шёлка. Они несут разноцветные флаги с изображениями фениксов, тигров

Забавная сценка – монах Большая Голова и Сестрица Люцуй.

Похоронная процессия с участием музыкантов на улице города Пинъяо.

и мифических зверей, ветки с искусственными цветами, квадратные опахала с орнаментом. В три ряда шествует процессия с жёлтыми зонтиками – атрибутом кортежа чиновника. Раньше, увидев издали такие зонтики, местные жители знали о приближении важной персоны. Под зонтиками идут девочки-подростки с подносами, на которых лежат украшенные цветами жертвенные подношения. Оглушительным ритмичным боем большого приветственного барабана и литавр за-

канчивается первая часть праздничной процессии. Раньше большой барабан использовали и в преддверии военных действий для поднятия боевого духа солдат. Музыка под большой барабан получила распространение в Шаньси со времён династии Сун. В наше время музыкантов приглашают играть на свадебной и погребальной церемониях.

За музыкантами следуют фигуры, изображающие любимые в народе мифические персонажи. Это восемь даосских бессмертных – прихрамывает Ли Железная Клюка, за ним идёт бог долголетия старец Шоусин, забавную сценку разыгры-

вают монах Большая Голова и девицы-сестрички Люцуй – Ивовая Веточка и Перышко Зяблика, при этом проказник монах пытается ненароком ущипнуть молодку. Грубоватая игра деревенских актёров вызывает смех и шутки в толпе односельчан. Следом появляется фигура в страшной разноцветной маске и с четырьмя руками, в которых зажаты мечи и дубинки. Его зовут *Фан Сян* – «Смотрящий по четырём сторонам». Сцена боя с пятью демонами называется «прыжки Фан Сяна». Эта древняя

«Кара нарушившему обет».

Разодетые малыши в церемонии «вынос раскрашенных».

составляющая ритуала, сопровождаемая боем барабанов, относится к числу сакральных сценок из репертуара драмы *но*, где все герои непременно в масках. Когда-то этот воинственный герой исполняющий ритуальный танец изгнания злых духов и болезней, выполнял роль духа, открывающего путь в царство мёртвых во время погребальных церемоний. Позже пляска Фан Сяна стала неотъемлемой частью церемонии *шэ хо*.

Следующая процессия привела меня в полный восторг. Речь идёт об обычае, который называется *кан чжуан* («вынос раскрашенных»). Детей 5–6-летнего возраста наряжают в костюмы персонажей китайской драмы, сажают в корзинки, подвешенные на упругих деревянных шестах, которые, пританцовывая, несут молодые мужчины. Личики детей разрисованы гримом традиционной драмы, на малышах костюмы самых разных театральных амплуа: тут и генералы, и красавицы, кто-то оседлал льва, кого-то обрядили в тигра, в обезьяну. Разряженные дети в головных уборах, украшенных ветками, цветами и лентами, похожи на кукол, не зря этот обычай называют ещё *жоу лэй* («живые куклы»).

Малыши подпрыгивают и раскачиваются в такт ударам барабанов, размахивают веерами и круглыми зеркальцами. В процессии участвует до 30 носильщиков, они

идут, выстроившись в три ряда. За ними мулы тянут телегу, где установлен паланкин с креслом, на котором сидит разодетая девушка в традиционном гриме небожительницы, по бокам сидят детишки – свита богини. Традиция «выноса раскрашенных» уходит во времена династии Мин (1368–1644).

Вслед за чередой детей следует не менее яркая процессия с огромными, в три метра

Императорский шест с благопожеланиями.

Прекрасная небожительница в сопровождении свиты.

высотой, пирамидальными конструкциями на пружинящих опорах. Они называются «императорскими шестами». Три кольца украшены лентами и укреплены на двух перекладинах, которые четверо парней несут на плечах. К верхнему кольцу крепятся таблички с благопожелательными надписями: «попутный ветер, своевременный дождь», «процветание страны, спокойствие народа», «обильный урожай

пяти злаков», «да будет счастье, пусть воздастся за добродетель» – эти традиционные фразы в полной мере отражают чаяния простых людей.

Но вот праздничная процессия уступает место сценке из исторической эпопеи «Троецарствие», которую разыгрывают актёры-односельчане. Это история о том, как славный генерал Гуань Юй, расставшись с правителем Цао Цао, преодолевает

Сценка «Пять застав».

Сжигание чучела демона засухи.

Распорядитель велит совершить поклоны алтарю.

пять застав и одолевает шестерых военачальников, дабы проложить путь двум благородным дамам. Представление идёт прямо на дороге, из ткани делается подобие занавесей, актёры произносят текст на местном диалекте.

Зачинная часть завершается процедурой уничтожения чучела демона засухи. В безводной Шаньси испокон веков молили богов об обильных дождях. С глубокой древности известен ритуал сжигания фигуры демона. Огромная страшная фигура со связанными цепью руками и головой из арбуза вывозится на телеге, на неё нападают вооружённые копьями и мечами Фан Би и многорукий Фан Сян в масках. Один из них ловким ударом сносит ему голову, арбуз разбивается и мякоть вываливается на землю. Под грохот хлопшек чучело сжигают.

После обеда действие продолжается уже внутри храма Генерала лазоревой зари. Храм, заложенный ещё при династии Юань (1279–1368), сильно пострадал во время «культурной революции». Его восстановили, а над входом повесили гордую надпись, гласящую о том, что здесь располагается Научная база по изучению праздника *сай шэ*.

Начинается процедура «принятия» табличек с именами духов и их водружения у алтаря, который без преувеличения можно назвать настоящим произведением искусства. Он весь словно кружевом

покрыт тонкими ажурными коржами, изготовленными по специальной технологии распорядителем кухни и мастерами по выпечке ритуальных изделий из кукурузной муки. Острым ножом они вырезают из теста пластинки с причудливым орнаментом, помещают в кипящее масло, затем вешают на каркас алтаря. Стол перед алтарём ломится от пирожков, украшенных фигурками драконов, птиц, сло-

Подношение даров табличкам с именами духов.

Алтарь, украшенный пластинками из кукурузной муки.

нов, обезьян. На алтаре красуются мастерски изготовленные из бумаги, кусочков материи и пёрышек фигурки народных божеств.

Начинается ритуал приношения барана в жертву духам. Крестьянин подводит животное с красной повязкой на голове к алтарю, распорядитель произносит речь, смысл которой – почтительное подношение жертвы приглашённым духам.

Искусно сделанные фигурки божеств украшают алтарь.

Торжественная процессия, осуществляющая акт подношения даров божествам, состоит из распорядителя, носителей свечи и кадила, а также «лошадиного отрока» и трёх шеренг девочек (раньше участвовали только мальчики), которые несут на подносах жертвенные вино, хлеб или чай. По знаку распорядителя поднимается бамбуковый шест, девочки встают на колени перед табличками с именами духов, совершают нужное количество поклонов, после чего помещают перед табличками дары. Помощники распорядителя также совершают земные поклоны перед алтарём. Церемония делает круг по двору храма и совершает очередной круг подношений. Первые три круга включают по два подношения чая, вина и пищи (выпечки или фруктов). Раньше после первого подношения звучала музыка, после второго – пели, после третьего – танцевали. В наши дни музыканты ограничиваются игрой на инструментах.

После трёх первых подношений публику развлекают театральными представлениями. Непременным номером является ещё одна сцена из «Троецарствия», где тот же любимец публики Гуань Юй (актёр с красным гримом на лице) поражает в поединке генерала-злодея Хуа Сюна (у него чёрное лицо). Действие перемещается со сцены на площадь внутри храма, бойцы преследуют друг друга с пиками наперевес и ловко наносят удары, публика бурно реагирует.

Распорядитель подносит вино божествам.

Другая любопытная пьеска – «Храм божества земли» разыгрывается от начала до конца на подмостках в храме, она относится к старинному жанру северной драмы *юань бэнь*, в котором разыгрывают, как правило, сценки с весёлым сюжетом, нередко шутки содержат эротический подтекст. Этот популярный в народе приём иносказаний называется «говорить о постном, а подразумевать скоромное». Пьеса была известна в этом районе ещё при монгольской династии Юань (1279–1368), она указана и в «Передающейся потомкам книге ритуала». Речь в ней идёт о забавной истории трёх друзей, занимающих разное положение в обществе, которые по этой причине никак не могут найти общий язык и соблюсти все условности при обращении друг к другу.

Описывая здесь во всех подробностях основную и заключительную часть жертвоприношений, мы рискуем сильно утомить читателя, так как процесс этот раньше проходил в течение трёх-четырёх дней. Основной ритуал во многом повторяет зачинную часть, тем не менее, есть и ряд интересных деталей. С утра перед алтарём выставляют деревянную оправу под зеркало, две старушки «причёсывают» и «умывают» виновников торжества – Бабушку двух бессмертных и Генерала лазоревой зари. После этого их приглашают в один ряд с другими духами для принятия жертвоприношений. Распорядитель читает тор-

жественную речь «О велении неба», обращённую к Верховному яшмовому императору, оповещает его о начале главной церемонии. В восточном и северо-запад-

Приветствие старца Шоусина – бога долголетия. Каждый

Тень «Обезьяны, выскочившей из кожуры».

ном направлениях устанавливают стол с вазой под ароматные палочки и совершают поклоны божествам первоэлементов Инь и Ян. Как уже отмечалось, каждый круг

из Восьми бессмертных исполняет приветствие Шоусину.

включает троекратное жертвоприношение. Распорядитель сам становится на колени и выливает вино или чай на землю перед столиком с ароматными палочками.

Перед каждым подношением публику продолжают развлекать короткими сценками в масках. Восемь бессмертных, забавно подбоченься, по очереди проходят по кругу и читают стихотворные приветствия Шоусину. Сценка «Кара нарушившему обет» исполняется в виде танца. Дух, охраняющий обитель *сангхи* (им в народном буддизме стал всё тот же Гуань Юй), как-то раз забежал на кухню и, не совладав с собой, съел скоромное. После этого он стал трёхголовым и шестируким, в руках у него боевые топоры и мечи, он совершает боевой танец в окружении четырёх злобных демонов, желающих покарать его за провинность.

Последняя сценка «Обезьяна выскакивает из кожуры» также несёт в себе символику народной религии. Это действие без песен и диалогов связано с погребальным обрядом. Человек в маске обезьяны, забавно почёсываясь, бегает по кругу, затем ложится на войлочный ковёр, после чего распорядитель посыпает его сверху мукой, обезьяна убегает, а на войлоке остаётся тёмное пятно с контуром её тела. Этот войлок вывешивали в шатре, где совершали обряды возле тела усопшего. Отпечаток обезьяны символизировал выход души из телесной оболочки и переход в иной мир.

Детей проносят над лодкой, чтобы уберечь от болезней.

В народе всегда больше всего боялись эпидемий, поэтому в храме любой деревни можно найти статую Духа, защищающего от пяти болезней. Ритуалы по изгнанию болезней проводятся в Китае с глубокой древности с привлечением шаманов и колдунов-медиумов. В области Шандан проносили маленьких детей над бумажной лодкой, на борту которой написано «Прочь, нечисть, не подходи, болезнь». Как правило, это делал какой-либо разряженный персонаж в маске – Небесный чиновник или кто-то из Восьми бессмертных.

В заключительной части две группы музыкантов из разных деревень демонстрировали своё мастерство, исполняя на барабане и других инструментах мелодию «Великое спокойствие». Согласно легенде, она была написана при дворе сунского императора Хуэйцзуна. Эта мелодия является ритуальным подношением музыки Верховному яшмовому императору. Под музыку проводится и ритуал провода божеств, во время которого односельчане хором проносят стихотворные благопожелания об урожае и всеобщем благоденствии. Наконец, музыканты, отдельно от остальных, тоже отдают земные поклоны перед алтарём, благодаря божеств.

Этот нюанс имеет исторические предпосылки. Дело в том, что музыканты в течение многих веков были закрытой соци-

альной группой, изолированной от деревенской общины. Они считались людьми низкого происхождения и «подлой» профессии наряду с потомственными нищими, цирюльниками, бродячими актёрами. Всеобщее презрение и изоляция – наследие их многовекового рабского положения. Уже при династии Северная Вэй (220–265) в провинции Шаньси начали селиться пришлые люди из числа наказанных, сосланных и разжалованных. Среди них были и бывшие придворные музыканты, которые постепенно сформировали слой музыкантов *юэ ху*. Люди «подлых» профессий, стоящие ниже «доброго люда», оказывались за рамками конфуцианской социальной системы, вне закона, им оставалось только крепить внутрицеховую солидарность и самоорганизацию. Живя в одной деревне с другими крестьянами, они, тем не менее, не могли вступать с односельчанами в брак, не имели храмов предков и даже фамильных книг. Своё ремесло они передавали из поколения в поколение, строгой была внутрицеховая этика, в семьях бережно хранили инструменты, костюмы и маски.

Юго-восток Шаньси – область наиболее плотного расселения потомков музыкантов *юэ ху*. Здесь сложилась и функционировала система территориального разделения на зоны влияния между кланами музыкантов. Так, одна семья могла «обслуживать» население только строго опреде-

Музыкант демонстрирует «трюки горла и носа».

лённой территории. Отец мог произвести раздел «подшефной» территории между сыновьями. Исполнение музыки на праздниках в честь божеств также было прерогативой только этой группы.

Музыканты не платили налогов, правительство их словно не замечало, крестьяне давали им рис и другие продукты питания в качестве вознаграждения за работу. Только при цинском императоре Юнчжэне (прав. 1723–1735) каста музыкантов получила личную свободу и право иметь землю, но презираемой прослойкой они оставались вплоть до основания КНР. И сегодня именно музыканты *юэ ху* являются хранителями традиции праздников и ритуалов. К сожалению, мало кто из помнящих правила, сотни мелодий и танцев, дожил до наших дней.

В этот раз две группы музыкантов, приехавшие из разных деревень, дали концерт, поразив всех своим мастерством. Исполненные для участников конференции мелодии были популярны ещё в стародавние времена династий Тан и Сун. Ведущим в оркестре является барабан, музыканты помнят общую канву и импровизируют, т.к. мелодии обычно не записывались. Одна из мелодий представляла собой пьесу о деяниях танского императора Ли Шимина, где ампула актеров озвучивали разные инструменты. Осведомлённый о сюжете зритель вполне может воссоздать в воображении и театральное действие. Зрите-

лей стремятся удивить и развлечь «трюками горла и носа», когда музыкант, извлекает мелодию из двух дудок-*сона* носом, затем помещает в рот два или четыре свиных клыка и лихо ими клацает, в завершение самый удивительный номер: помощник вытягивает из гортани играющего нить длиной несколько метров.

После окончания праздника музыканты пришли на встречу с учёными. Приветливые и улыбчивые люди, они с готовностью рассказывали о своём ремесле, о том, как обучались у старых мастеров, о положении *юэ ху* в старом и современном Китае, демонстрировали сложные трюки с инструментами и свистульками. Были в их числе отец и сын – музыканты уже в пятом поколении. Они рассказали, что раньше *юэ ху* пренебрежительно называли «черепашиим отродьем», теперь же музыканты входят в «ансамбли народных исполнителей». Обучение игре на инструментах начинали с семи-восьми лет, считалось, что необходимо освоить технику дыхания до женитьбы, то есть до 17–18 лет.

Традиция праздников *шэхо* в последние десятилетия возрождается, идёт восстановление всего сложного музыкально-драматического комплекса, составляющего этот праздник. И как мне показалось, главный импульс к оживлению *шэ хо* исходит из недр самой деревенской общины.

Фото автора.